

© 1990 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ Л. Д. ТРОЦКОГО: РАЗМЫШЛЕНИЯ И СПОРЫ

Можно только приветствовать начатый перестройкой процесс возвращения имен многих деятелей партии и Советского государства, несправедливо пострадавших в годы сталинских репрессий или же произвольно вычеркнутых из нашей истории. Рассеивается туман, становятся виднее контуры идейного наследия Бухарина и Зиновьева, Радека и Сокольников, Чайнова и Кондратьева. Ведется работа по исследованию политической деятельности Каменева и Рыкова, Томского и Преображенского... Разумеется, мы находимся только в начале этого сложнейшего, полного противоречий, чреватого рецидивами процесса. Но уже то, что в нем участвует не одна историческая наука, а фактически все отрасли отечественного обществоведения, в том числе и социология, во-первых, существенно углубляет и дополняет наши представления о прошлом КПСС, страны в целом. И, во-вторых, вселяет надежды, что процесс необратим. В связи с этим рискну высказать предположение: судьба перестройки зависит не только от успеха экономической и политической реформ, но и от поленински смелого, решительного прорыва в осмыслении истории советского общества, субъективного или личностного фактора.

За долгие годы нас приучили к необходимости видеть в происходящем деятельность масс, социальных классов и групп, в меньшей степени — политических партий и организаций. Таким образом исследовались общественные процессы на макроуровне, к микроструктурам в лучшем случае отношение было снисходительным.

Обычно повторялось несколько расхожих цитат из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» Маркса, назывались статьи Энгельса «Об авторитете», Плеханова «К вопросу о роли личности в истории», вспоминался десяток затасканных фраз из Полного собрания сочинений Ленина. На этом исследование личностного фактора считалось законченным. За подобное самодовольство и пренебрежительность мы были жестоко наказаны. С конца 20-х годов советская история не просто обезлюдела. Вместе с интересом к изучению деятельности отдельной личности, был потерян и вкус к познанию индивидуального в нашей истории, без чего немислимо представить ее неповторимость, неоднозначность событий и социального поведения тех самых классов и групп, деятельность которых рассматривали общественные науки.

Между тем, как ставил вопрос Ленин? Вспомним его «Письмо к съезду». Устойчивость ЦК, партии в целом он связывал со взаимоотношениями «двух выдающихся вождей» — Сталина и Троцкого¹. Вот так:

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 345.

двух и не больше. Он оказался прав! Точнее, как бы хотелось сегодня - это не парадокс, но жестокая ирония истории,— чтобы Ленин в данном случае ошибся. Уберите из нашей истории этих «двух вождей» и я не знаю, какой бы она стала и как бы развивались партия, страна, да, наверное, и весь мир.

Отсюда вполне закономерен интерес и к Сталину, и к Троцкому. Несмотря на увеличение публикаций о них обоим интерес советских людей далеко не удовлетворен. С другой стороны, в появляющихся материалах вопросов остается гораздо больше, чем ответов на них.

В чем суть троцкизма и его аналога — сталинизма? Как они возникли и развивались внутри партии, на какие слои опирались, чьи интересы отражали? В чем смысл смертельной схватки между Сталиным и Троцким как людьми и как политиками, которые, несмотря на внешнюю враждебность между собой, противоположность характеров, стиля мышления, внутренне были гораздо ближе друг к другу, чем каждый из них — к «Ленину»?

На эти и другие вопросы отчасти отвечают авторы представленных статей. Последние, разумеется, далеко не равнозначны и по восприятию деятельности Троцкого, и в оценках его трактовок деятельности Сталина, и в изображении канвы внутривнутрипартийных отношений 20—30-х годов.

Тем не менее, даже несмотря на разность оценок авторов, убежден, что подготовленная журналом «обойма» — один из удачных способов обсуждения и дискуссии по проблеме Троцкого и троцкизма. Уверен, что найдутся еще желающие продолжить начатый разговор. И не только о Троцком.

Кто мешает включить в поле зрения исследователей и другие, не менее спорные, чем Троцкий, политические фигуры из истории российского и международного революционного движения? Например, Сталина, Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева? Список можно дополнить по усмотрению читателей журнала и заинтересованных в таком разговоре лиц.

Словом, начинание хорошее. Важно его продолжить.

Н. А. Васецкий.